

И в театре, и в жизни зияют места...

Моск. правда - 1998 - 11 нояб. - с. 4.

Последний разговор с Марией Мироновой

Тридцатого октября прошлого года, за две недели до ухода из жизни, Мария Владимировна дала мне интервью. Оно оказалось последним. Наш разговор продолжался несколько часов, добрая половина его была посвящена Андрею. Она гордилась своим сыном и была счастлива, что его не забывают. Мария Владимировна жила в одном из старинных арбатских переулков - Малом Власьевском. Не без внутреннего трепета я открывала дверь с медной табличкой «М.В.Миронова. А.С.Менакер». В этой

В первом ряду, помню, сидели генералы, весь командный состав. И где-то ближе к концу выступления я услышала, как кто-то из командиров сказал своему соседу: «Какая хорошая артистка, но жаль, что горбатая». Через несколько дней радикулит прошел, и все очень удивилось, что я выпрямилась.

- В годы войны мы с Александром Семеновичем Менакером часто выступали перед солдатами. Однажды с бригадой артистов, в которую мы тоже входили, поехали на фронт в район Калинин. Этот город был уже освобожден, но мы проехали дальше, и около Осташкова нас настигла бомбежка. Военные посоветовали мне лечь на спину, лицом вверх, чтобы было видно, как летят самолеты. Сказали, что так менее страшно. Я в этом действительно убедилась. Но очень простудила спину, потому что мы все были так легко одеты, не по сезону. Жуткий прострел согнул меня буквально пополам. Но концерт вести надо. И я, преодолевая боль, вышла на сцену и весь вечер выступала.

Начав рассказывать о своей юности, Мария Владимировна произнесла слово «родилась» с ударением на втором слоге...

- Не знаю, как правильно. Все-таки, наверно, родилась. Ужасно не люблю, - призналась она, - когда говорят неправильно. Вы знаете, у нас сегодня три языка: интеллигентный, повседневный и язык Государственной Думы. Мы разговариваем между собой на трех языках, и надо будет еще выяснять, какой же из них настоящий русский!

- По сравнению с теми, кто всегда рвется в «главные», в ту же Думу, мы жили очень странно, - продолжала разговор моя собеседница. - Со мной в школе училась, например, дочка наркома продовольствия Цюрупы.

Однажды ее вызвали отвечать, а она возьми да упади в обморок, ей стало дурно. Пригласили врача, тот определил, что от недоедания. И это дочь наркома продовольствия! Представляете себе, какое несоответствие! - с иронией в адрес нынешних чиновников произнесла Миронова.

- Из чего складывается ваш день? - спросила я.

- Книги, мысли, театр...
- А телевизор, радио!

- Радио играет целый день для моего попугая Ромочки. А телевизор я смотрю. Не все, конечно, но смотрю. Даже сериалы, чтобы сравнить с тем, что я вижу у нас на телевидении. Любуюсь красивыми платьями в фильме «Девушка моей мечты». Наблюдаю, как они относятся к детям. Родился комочек - и он уже у них красавец, умница, они готовы сделать для него все. Это все-таки доброе начало.

- Мария Владимировна, вы часто выходите из дома?
- От Дома актера мне положена машина. На ней выезжаю в театр и на два кладбища - Ваганьковское, где похоронен Андрей, и Донское, где похоронены мои родители и Александр Семенович. Когда сколь-

зко, непогода, это сложно, так что сейчас выезжаю очень редко.

- Проезжая по улицам Москвы, вы видите перемены в нашем городе?

- Замечаю их в основном в центре. Но в то же время вижу, как очень красивые особнячки в старорязанских переулках никак не подвсечиваются. Много показухи. И потом мне не нравятся новые памятники. Я полагаю, что они должны ставиться для украшения, а у нас устанавливаются для устрашения...

Хотела бы обратиться к мэру с личной просьбой - поставить на место потрясающий памятник Гоголю, который во дворе дома, где писатель умер. Его не видно, он зарос сиренью, а это гениальное произведение, которое нельзя прятать. А вот тот, что стоит на Гоголевском бульваре и на котором написано «От Советского правительства», надо убрать.

О любой стране судят по кладбищам. Конечно, наше главное кладбище на Красной площади - в порядке. Зато на Ваганьковском - грязь. А ведь Ваганьково - самое старое кладбище в Москве, ему 350

лет, за ним надо бы ухаживать. Ведь многие уважаемые люди предпочли Новодевичью Ваганьковское: Царев, Завадский, Гоголева, Нифонтова, Даль, Богатырев...

Мы, видимо, не имеем пока права на свободу, ведь это право нужно выстрадать, мы же предпочитаем думать не о России, а о себе в России.

Когда говорят о жертвах сталинизма, часто слышу от пожилых людей: «А я ничего не знала». Как можно было ничего не знать? У нас вообще удивительный народ! Идет опрос на улице. Спрашивают: «Как бы вы хотели жить: хорошо или плохо?» Нормальный человек отвечает: «Конечно, хорошо!» Остряк заявляет, что он живет хорошо, а хотел бы плохо. А одна дама совершенно серьезно произносит: «Затрудняюсь ответить».

Сколько у нас в Думе тех, кто затрудняется ответить?
- Как вы считаете, Мария Владимировна, что надо делать, чтобы Россия возродилась!

- При всех ситуациях, даже при самой тяжелой, не думать только о себе, стараться делать добро людям и постоянно будоражить свою совесть.

- При вашей высокой планке оценки человека, что вы цените в людях больше всего?

- Совесть. Ее все время нужно будить. Бессовестные люди воруют, убивают, сквернословят, потому что потеряли совесть. У нас огромный дефицит доброты и совести.

Марии Владимировне очень дорога была любая память о сыне, и она с гордостью рассказывала об открытии планеты имени Андрея Миронова, о мемориальной доске на доме 22 на Петровке, где он родился, о 170-й московской школе на Пушкинской улице, где Андрей учился, о выставке в филиале Театрального музея имени А.А.Бахрушина - Доме-музее Марии Николаевны Ермоловой на Тверском бульваре, куда она передала очень много вещей из своего дома.

Мария Владимировна была хранительницей этого дома на Арбате, не квартиры с медной табличкой «Миронова М.В. Менакер А.С.», а именно дома. Она подчеркнула это.

Мы заговорили о реликвиях, о вещах, которые помнят всех, кто здесь бывал. Мария Владимировна рассказала, что столик, за которым гримировалась в Театре сатиры Андрей, костюмы, в которых он играл, хранятся теперь в Музее имени Бахрушина, здесь же и костюм Фигаро. В нем Андрей 14 августа 1987 года в Риге во время гастролей на спектакле «Безумный день, или Женитьба Фигаро», не доиграв последнюю картину, потерял сознание и был доставлен в местную больницу.

- Мария Владимировна, - спро-

сила я, - вы влияли на выбор Андреем профессии?

- Нет, он выбрал ее сам. Я думала, что он пойдет в МГИМО, он хорошо знал английский... Но, пока мы были на гастролях на Дальнем Востоке, Андрюша без нас поступил в Щукинское училище.

- На кого Андрей был больше похож? На вас или на Александра Семеновича?

- Ни на кого, хотя обожал отца и очень любил меня. Он был похож на себя. Андрей - индивидуальность во всем. Я иногда сидела в зрительном зале и смотрела на людей, как светлели их лица, когда на сцену выходил Андрей. У него был огромный запас доброты. В нашем ожесточенном мире это сегодня такой дефицит, потому что доброта идет по каплям, а лезть, ложь и зазнайство льются потоком.

Сейчас, после его смерти, а прошло уже десять лет, Андрюша становится все выше и выше. О нем не забывают. Вышло четыре диска, один золотой, еще одна книга, ежегодно проводится конкурс авторской песни имени Андрея Миронова. В Санкт-Петербурге есть теперь театр его имени. А в Шауляе, на горе, единственному русскому человеку - Андрею - поставлен крест, который благословил папа римский, когда приезжал в Литву.

Прошло десять лет, как Андрея нет, а я все продолжаю получать письма от матерей. На конверте иногда надпись: «Москва, Кремль, матери Андрея Миронова»... За десять лет мне ничуть не стало легче. Мне не бывает скучно, потому что есть кни-

ги, есть театр, есть зрители, есть мысли... Скучно никогда не бывает, а тоскливо мне постоянно.

...Я отметила удивительное умение Марии Владимировны одной фразой, несколькими словами выразить свое отношение к происходящему, подчеркнуть свою позицию. Вот несколько ее принципиальных замечаний:

- Я не люблю слово «компромат». Нельзя жить, донося на другого.

- У нас ведь еще при жизни люди становятся легендарными. А я всегда считала, что легенда - это шлейф, который идет за человеком, когда его уже нет. Вы где-нибудь видели, чтобы шлейф шел впереди дамы? Никогда. Иначе дама споткнется и упадет...

- Почему у нас падают дома? Очевидно, вместо цемента там один песок. Украли, пропили. Пьют ведь по-черному?

- Я уверена, что Москве больше лет, чем 850. Если Ростову Великому за тысячу, то Москве, конечно, больше. Пусть это было когда-то небольшое поселение с непролазными дорогами, но было...

Когда наша беседа подходила к концу, Мария Владимировна произнесла такую фразу:

- Мой муж умер дома, Андрей - на сцене, а где это, интересно, случится со мной?

...В восемьдесят шесть лет ушла из жизни замечательная актриса, мудрая женщина, прекрасная мать, российская гражданка. Мария Владимировна вовсе не собиралась покидать этот мир, несмотря на все его сложности, потрясения и противоречия, но сердце остановилось.

И сейчас она вместе с теми, кого любила больше всего на свете. У нее, великой актрисы Марии Владимировны Мироновой, надо учиться любить Россию.

Берта БУХАРИНА.